

ихъ опущены книзу, въ рукахъ работа: или шитье оленьими жилами какойнибудь части костюма изъ оленьей шкуры, или вырѣзываше изъ дерева ложекъ, табако-окъ, пороховницъ и т. п. Около пастуховъ собаки, иѣжащіяся на солнцѣ, по готовыя каждую минуту съ лаемъ броситься на слишкомъ отдѣлившагося отъ стада оленя. А самъ владѣлецъ стада въ своемъ уютномъ чумѣ выниваетъ безкоечное количество чайниковъ. Если вскучить ему эта идилія, онъ заберется на сосѣдній холмъ, высмотритъ въ пустынѣ сосѣда и мчится къ нему въ гости на тройкѣ своихъ олепей...

Но этотъ же самый ижемецъ, когда потребуютъ того обстоятельства, проявлять большую энергию, инициативу и способность ориентироваться въ опасности. И не вина ижемцевъ, если кругъ ихъ дѣятельности слишкомъуже и эта народность не въ состояніи развернуть всѣхъ индивидуальныхъ способностей своей націи, какъ это удалось сдѣлать родственному ей по крови народу, которому болѣе благосклонная судьба послала географическое сосѣдство съ культурной Швеціей...

Положительныхъ качествъ у ижемской народности немало. Прежде всего я остановлюсь на ихъ правдивости и любви къ семейной жизни. Они гостепримны и честно держать разъ данное слово. Но самымъ цѣннымъ положительнымъ качествомъ является отзывчивость ижемцевъ на культурную начинанія. Въ этомъ отношеніи весьма характернымъ является одинъ фактъ, остановившій па себѣ вниманіе автора „Года на Сѣверѣ“ Максимова. Въ то время, когда на Сѣверѣ Россіи томная новѣжественная масса возстала противъ введенія картофеля и устраивала такъ называемые картофельные бунты,—ижемцы сами добыли его, занялись его разведеніемъ и ввели въ общее употребленіе по всей Печорѣ. Какъ ни мелоченъ этотъ фактъ, онъ все-таки свидѣтельствуетъ о прогрессивномъ складѣ ума этого племени.

Для развитія и приложенія къ жизни природныхъ качествъ ижемской народности необходимы учрежденія, предоставляющія возможность для самодѣятельности населенія и главное—необходимы разумно поставленныя школы.

Есть полное основаніе утверждать, что при развитіи самодѣятельности, для которой земскія учрежденія дадутъ достаточный просторъ, ижемская народность быстро пойдетъ по пути культуры и займетъ подобающее ей мѣсто въ томъ національномъ конгломератѣ, который объединяется въ словѣ „Россія“.

Николай Белдыцкій.

Отъ членовъ-корреспондентовъ А. О. И. Р. С.

О письмахъ Нооненсъ.

Если взираться внимательнѣе къ Сѣверу (въ тѣспомъ смыслѣ разумѣю Нооненѣ), то нельзя не замѣтить, что теперь онъ переживаетъ тяжелый кризисъ. Старая вѣрованія, идеи, взгляды, словомъ, все старое міросозерцаніе разрушается подъ вліяніемъ запесенныхъ изъ города обычавъ. Скудная почва вынуждаетъ сѣверянина искать себѣ заработка на чужой сторонѣ, въ „Питерѣ“. Но этотъ заработка, обыкновенно находимый въ изобилии энергичными и трудолюбивыми мужиками, познакомилъ Архангелогородскіе члены А. О. И. Р. С. съ сѣверомъ.

гельскую деревню съ модою, которая заразительно подѣйствовала на весь народъ, цетронутый никакимъ вѣшнимъ влияніемъ съ удѣльно-вѣчевыхъ временъ. Отъ соприкосновенія архаического міровоззрѣнія съверянъ съ городскою, весьма часто ложною, образованностью, происходитъ переломъ во взглядахъ и убѣжденіяхъ, причемъ онъ отзыается на всемъ быту крестьянина. Мода особенно нагубно отзыается па населеніи. Даже самыи бѣдныи дѣвушки выбиваются изъ силъ, чтобы имѣть шелковыя платья для выполненія праздничаго ритуала. Прежняи патріархальная жизнъ значительно измѣнилась; уже въ нѣкоторыхъ замѣтныхъ домахъ „казачихъ“ (работница) не имѣеть позволенія садиться за общій столъ. Даже разговоръ, сокращившійся здѣсь въ нетронутомъ видѣ, чутъ ли не со временъ Марены Борецкой, началъ вѣсколько мѣняться; прежнее произшеніе на „о“ начинаетъ замѣняться умышленнымъ „а“-каньемъ; прежніе архаизмы вытѣсняются неологизмами.

Но ци въ чёмъ такъ не замѣтенъ переживаемый Сѣверомъ кризисъ, какъ въ пѣсняхъ, которыи отражаютъ на себѣ духъ парода. Со школьнай скамейки изучаемъ мы значеніе народныхъ пѣсень, а между тѣмъ онъ все болѣе и болѣе изсякаютъ изъ памяти того народа, который ихъ создалъ. Въ средней полосѣ Россіи весьма рѣдко можно услышать архаическую пѣснь; разные романсы, солдатскія пѣсни, исковерканныя стихотворенія классическихъ поэтовъ, въ родѣ „Узника“ Лермонтова или „Черной шали“ Пушкина, вотъ что замѣнило живое пародное творчество. На Сѣверѣ въ даниое время замѣчается также переломъ въ пѣсняхъ; старое еще не совсѣмъ забыто, новое не успѣло привиться вполнѣ. При выполненіи старыхъ обрядовъ, въ особенности при свадебномъ ритуалѣ, поются древнія народныи пѣсни, въ которыхъ заключается истинная народная поэзія, глубокое содержаніе, безыскусственная простота, и лишь мотивы до крайности монотонны; недаромъ сказалъ Пушкинъ:

.....Всей семье,
Отъ ямщика до первого поэта.
Мы все поемъ уныло.

При святочныхъ гаданьяхъ, при пѣкоторыхъ играхъ, при обрядовыхъ гуляньяхъ, напримѣръ, въ храмовые праздники, когда бываются, такъ называемые, „лугъ“ и „почталь“, также поются хоровыя стариныя пѣсни. Но въ повседневномъ быту, за работой, въ дорогѣ, на качеляхъ, а также при маломъ стечениі пѣвицъ, старая длинныя пѣсни не поются совершенно, ихъ замѣняютъ или книжные романсы или, такъ называемые въ средней полосѣ Россіи, „частушки“, состоящи въ большинствѣ случаевъ изъ риомованыхъ четверостиший. Вотъ эти-то „частушки“ постепенно замѣняютъ пышные перлы народнаго творчества. Онъ въ большой модѣ, и что бы ни дѣлала дѣвушка,—точить ли косу, копнетъ ли гряды, плететь ли вѣники,—она безъ устали горланитъ „частушки“, которыхъ въ ея памяти хранятся цѣлымъ тысячи. Она поетъ безсознательно, черезъ нѣсколько секундъ забывая, что пѣла. Такъ вѣѣдаются въ плоть и кровь дѣвушки незатѣливыя частушки. Въ противовѣсь архаическимъ пѣснямъ, отражающимъ духъ народа и годныи лишь для хорового пѣнія, „частушки“ нерѣдко отражаютъ лишь духъ индивидуума; поэтому случается, что одна „частушка“ противорѣчитъ другой; содержаніе многихъ изъ нихъ исчерпывается любосными воздыханіями, скорбью о тяжкой женской участіи и злобою дні, при чёмъ „частушка“, какъ отраженіе личнаго настроенія пѣвицы, болѣе годится для одиночнаго пѣнія. Многія „частушки“ совершенно безсодержательны, весьма часто имѣютъ мѣстный характеръ и отно-

сятся къ тѣмъ или инымъ, извѣстными въ окружѣ, лицамъ. Почти каждая деревня имѣетъ свои особы „частушки“, неизвѣстныя другимъ деревнямъ. Нечего и говорить, что со стороны старухъ, хранительницъ преданий старицы, „частушки“ встрѣчаются самое непріязненное отношеніе.

Жаль, до глубины души жаль, что это новое народное творчество, возникшее подъ вліяніемъ городской образованности, лишено прежней силы, поэзіи, глубины мысли; оно весьма слабо отражаетъ духъ и бытъ народа. Тѣмъ пагляднѣе замѣтно ничтожество „частушекъ“, что онъ легко сочиняются, легко усваиваются и еще быстрѣе забываются; следовательно, онъ подверженъ дѣйствию неремѣнчивой моды и недолговѣчны. Ихъ ничтожество вытекаетъ также изъ того, что онъ не связанъ ни съ какими обрядами, въ противовѣсъ архаическимъ пѣснямъ, устойчивость которыхъ нарушилась съ уничтоженiemъ или сокращенiemъ древнихъ обрядовъ. Пройдетъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, и старая народная пѣсня совершенно забудется даже въ лѣсахъ Сѣвера; такъ что, если бы не наука, заботливо себѣ рабоющая и записывающая пѣсни русскаго народа, онъ легко могли бы быть утерянными для потомства.

Однако, вникая въ содержаніе нѣкоторыхъ „частушекъ“, можно подмѣтить въ нихъ кой-какую суть; часто безмысленныя, въ иныхъ случаяхъ опѣв довольно скромно и мѣтко характеризуютъ тѣ или иные стороны сѣвернаго быта. „Казачихъ“, напр., т. е. работница, такими словами выливается досаду на свою горькую участъ:

„Казачихъ бѣдныя!
У нихъ колечки мѣдныя,
Брошки оловянныя,
Хозяйки окаянныя.

Всѣмъ извѣстна пѣломудренность сѣверныхъ дѣвичъ; но крайней мѣрѣ, до массового ухода на заработки, о развратѣ не было никакого помину. Поэтому дѣвка-сѣверянка смѣло распѣваетъ:

„Не мани, милой, па улицу –
Не выманишь меня;
Я не глупенькая дѣвушка,
Не выпила вина.

Проводивъ своего милаго друга, „прихихеньку“, на заработки въ „Питеръ“, дѣвица въ такихъ словахъ выражаетъ свое горе:

„Проводила – скучно стало!
Стою, плачу у вокзала,
У машинъ паровой.
Воротись, мой другъ, домой!

Всѣмъ извѣстна обычная доля замужней крестьянки. Поэтому бракъ является для нея далеко не радостной перспективой, и дѣвичья пора кажется ей благодатью; объ этомъ сѣверянка такъ распѣваетъ:

„Пѣсни пой, пока поестся:
Выдѣшь замужъ – не придется,
Не придется пѣсель пѣть,
Придется горя потерпѣть.

Или:

Не ходите, дѣвки, замужъ:
Не завидна будетъ жизнь,
На гулянье не отпустятъ,
Только скажутъ: спать ложись!

Но не отъ дѣвушки зависитъ, идти или не идти замужъ. Это дѣло не ея, а родителей; очень часто она даже не знаетъ, куда ее просватали, и

за милаго или за пемилаго—объ этомъ ее не считаютъ пужными спрашивать. Она только можетъ обратиться съ вопросомъ къ перелетнымъ птичкамъ.

Голубочекъ сизенький!
Снеси цоклончикъ низенький.
Голубушка крылатая,
Скажи, куда просватана.

Такими и Есельками характеризуютъ сѣверныхъ дѣвицы свои душевныя настроенія въ различныхъ случаяхъ жизни.*)

И. Калининъ.

Изъ жизніи карелъ.

Не мало уголковъ въ пограничной Карелии, гдѣ населеніе добываетъ себѣ средства къ жизни посредствомъ разносной торговли.

Выпалъ первый снѣгъ. Скудный урожай хлѣбовъ собранъ и обмолоченъ. Глава семейства съ двухпудовой сумкой на плечахъ идетъ къ своимъ сосѣдямъ, финнамъ, наживать деньги. Нелегокъ этотъ трудъ. „Да“, говорить старики, „цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ мы носили такія сумки. Вотъ теперь плечи и спина болятъ. Впередъ знаешь, какая будетъ погода. А наживешь всего-на-всего, бывало, только на хлѣбъ прокормить семью лѣто. Затѣмъ опять идешь торговать“. Спросишь у нихъ: „отчего же бы намъ не жить такъ, какъ живутъ финляндцы?—вѣдь земля у нихъ не лучше да и луговъ нѣтъ“. — „Правда, мѣстность у насъ одинакова, пожалуй, еще лучше, чѣмъ въ Финляндіи, но дѣло въ томъ, что намъ недосугъ поля пахать и чистить сѣнокосъ: почти все время мы находимся на заработкахъ. Своего хлѣба намъ хватаетъ всего на четверть года и то не у каждого. Поневолѣ приходится вѣчно бродяжничать по чужой странѣ. Думаешь это намъ нравится?... Нѣтъ, вы бы лучше спросили у насъ, почему мы живемъ хуже финляндцевъ? Тамъ выгодно заниматься земледѣлемъ, потому что есть куда продать всякие продукты, и побѣжай, куда угодно, во всякое время года. А у насъ или щыши все самъ, или отдавай за безценокъ. Самъ знаешь, какъ у насъ дороги. Про образованіе и говорить нечего. Давно-ли здѣсь начали строить школы?—Совсѣмъ не то у финновъ; у нихъ даже женщины и тѣ грамотны; всѣ читаютъ книжки и газеты. А къ намъ никакая и почта не ходитъ.

Что дѣлать, въ концѣ концовъ новѣришь такимъ вѣскимъ доводамъ въ пользу отхожихъ промысловъ и оставишь карелъ въ покоѣ, т. е. перестанешь говорить съ ними касательно домашней жизни и увеличенія сельскаго хозяйства. Трудно живется карелику, и не даромъ онъ жалуется въ своей пѣснѣ:

Труденъ мой путь и тяжель,
Вѣчно скитаться съ сумой.
Нѣтъ мнѣ покою ни ночью, ни днемъ—
Ходить и кормиться колейкой чужой.
Что же мнѣ дѣлать?
Мой жребій такой,
Не видать мнѣ счастья въ жизни своей.

А. Поповъ.

Домашняя жизнь, нравы и некоторые обычай поморовъ.

Мнѣ пришлось бывать въ Поморье отъ Кеми до Онеги и обратно несколько разъ и наблюдать жизнь поморовъ. По моему убѣженію, все это

*) Всѣ, вышеупомянутые пѣсни, записаны въ деревняхъ Турчесовской волости, Онежского уѣзда.